

УДК 342.7:343.01
DOI 10.36511/2078-5356-2019-4-120-124

Гришко Александр Яковлевич
Aleksandr Ya. Grishko

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права

Нижегородская академия МВД России (603950, Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3)

doctor of sciences (law), professor, professor of criminal law department and criminal executive law
Nizhny Novgorod academy of the Ministry of internal affairs of Russia (3 Ankudinovskoye shosse, Nizhny Novgorod, Russian Federation, 603950)

E-mail: grishkoaleksandr@yandex.ru

Гришко Людмила Евгеньевна
Lyudmila E. Grishko

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики
Академия ФСИН России (390000, Рязань, ул Сенная, 1)

candidate of sciences (law), associate professor, associate professor of criminal procedure and criminalistics

Academy of the Federal penal service of Russia (1 Sennaya st., Ryazan, Russian Federation, 390000)

E-mail: legrishko@gmail.com

Принцип патриотизма в уголовно-исполнительном праве

The principle of patriotism in criminal law

Статья о соотношении национального и международного законодательства по вопросам исполнения наказаний и обращения с осужденными. О практике деятельности международных организаций по реализации тех или иных установлений, имеющих в международных документах. В частности, о приоритетности конституционных норм и норм международного права. О том, что соответствующие международные организации, призванные осуществлять прежде всего единую политику в сфере исполнения уголовных наказаний, нередко это игнорируют и выносят решения, которые не только не учитывают особенности национального законодательства, но и норм, содержащихся в международных документах.

Ключевые слова: конституция, правовые нормы, международное законодательство, уголовно-исполнительное законодательство, наказание.

The article is about the correlation of national and international legislation on the execution of sentences and treatment of convicts. About practice of activity of the international organizations on implementation of those or other establishments available in the international documents. In particular, the priority of constitutional norms and international law. The fact that the relevant international organizations, designed primarily to implement a unified policy in the field of execution of criminal penalties, often ignore this and make decisions that often do not take into account the peculiarities of national legislation, but also the norms contained in international documents.

Keywords: constitution, legal norms, international legislation, penal legislation, punishment.

Общеизвестна роль принципов как руководящих идей, начал. В принципах уголовно-исполнительного законодательства реализуется политика в сфере исполнения наказаний. Ранее мы уже отмечали, что основными ее направле-

ниями являются: обеспечение законности, гуманизм, демократизм, равенство осужденных перед законом, дифференциация и индивидуализация исполнения наказаний; рациональное применение мер принуждения, средств исправ-

© Гришко А.Я., Гришко Л.Е., 2019

ления осужденных, стимулирование их право- послушного поведения, соединение наказания с исправительным воздействием (ст. 8 УИК РФ) [1, с. 71; 2, с. 215].

Приведенные принципы и их авторская интерпретация позволяет сделать вывод, что они не отхватывают некоторые аспекты отношений, регулируемых уголовно-исполнительным законодательством. Одним из них является соотношение национального и международного законодательства. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации в этом плане содержит единственную норму, согласно которой уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации и практика его применения основываются в том числе на общепризнанных принципах и нормах международного права и международных договорах Российской Федерации, на строгом соблюдении гарантий защиты от пыток, насилия и другого жестокого или унижающего человеческое достоинство обращения с осужденными (ч. 1 ст. 3 УИК РФ).

В указанной статье имеется очень важная норма, обеспечивающая механизм реализации рекомендаций (деклараций) международных организаций по вопросам исполнения наказаний и обращения с осужденными: они реализуются в уголовно-исполнительном законодательстве Российской Федерации при наличии экономических и социальных возможностей (ч. 3 ст. 3 УИК РФ).

Практика деятельности международных организаций по реализации тех или иных установлений, имеющих в международных документах, свидетельствует, что она не всегда учитывает механизм их реализации, определенный в национальном законодательстве. Речь, в частности, идет о приоритетности конституционных норм и норм международного права. Российское уголовно-исполнительное законодательство в этом плане выделяет Конституцию РФ. Соответствующие международные организации, призванные осуществлять единую политику в сфере исполнения уголовных наказаний, нередко это игнорируют и выносят решения, которые не только не учитывают особенности национального законодательства, но и установлений, имеющих место в нормах международного характера.

Здесь уместно привести решение Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) по Делу «Анчуглов и Гладков против России» (постановление от 4 июля 2013 г.) [3]. В постановлении по делу указывается, что норма Конституции РФ (ч. 3 ст. 32), запрещающая участие в выборах ли-

цам, содержащимся в местах лишения свободы, не соответствует Европейской конвенции «О защите прав человека и основных свобод». Такая оценка Конституции РФ европейским судом есть не что иное, как правовое посягательство на национальный суверенитет страны. «...Непонятным и сомнительным выглядит нежелание ЕСПЧ принимать во внимание тот факт, что национальные органы конституционного контроля не обладают той степенью в толковании конституции, которую позволяют себе судьи ЕСПЧ в своем толковании абстрактных положений Европейской Конвенции... Национальная конституционная юстиция не может выйти за пределы толкования, установленного как самой Конституцией, так и сложившимися внутри общества конвенциями, лежащими в основе конституционной идентичности народа», — пишет В. Зорькин [4].

Обсуждая вопросы неисполнения судебных решений национальных судов в странах — членах Совета Европы, их участники подчеркивали, что отсутствие соответствующего исполнения судебных актов негативно отражается на эффективности государственного устройства, подрывает правомерные ожидания граждан и их веру в судебную систему [5, с. 64]. Однако то, что решения Европейского суда в ряде случаев невыполнимы в силу того, что они подрывают эффективность государственного устройства, подрывают веру граждан в непоколебимость государственного устройства своей страны, закрепленного в основном законе, за который они в абсолютном большинстве проголосовали, участники таких обсуждений данные вопросы обходят. Не получают они своего отражения и в официальных решениях ЕСПЧ.

Приведенное решение Европейского суда является лишь одним из проявлений мер со стороны США, ряда европейских стран по ослаблению России, подрыву ее международного авторитета. Это в полной мере касается и национального законодательства, правоприменительной практики, деятельности органов правоохраны. Здесь уместно привести реакцию указанных государств на «Дело Магницкого», умершего в одном из изоляторов в результате заболевания.

Реакция западных стран и США на этот частный случай — установление санкций в отношении России. При этом они не замечают наличие узаконенного превентивного заключения в Германии, которое презюмирует фактическое продление срока тюремного заключения после окончания срока отбытия наказания (§ 66 УК ФРГ) [6, с. 108].

Данные обстоятельства не могли остаться без внимания официальных органов России.

Государственной Думой РФ была установлена так называемая субсидиарная роль Европейского суда по правам человека по отношению к национальным правовым системам. Также положение получило свое юридическое закрепление в ратифицированном 12 апреля 2017 года Госдумой РФ Протоколе от 24 марта 2013 года № 15 к Европейской конвенции по правам человека и основных свобод от 14 ноября 1950 года. Согласно ему вердикты ЕСПЧ для Российской правовой системы будут носить консультативный характер [7, с. 249]. Закрепление указанной роли ЕСПЧ усилит возможности России по защите своего суверенитета. Такой принцип означает, что защита прав гражданина, прежде всего, лежит на самом государстве.

В приведенном протоколе провозглашается, что государства свободны при выборе своих правовых систем, форм защиты прав человека, которые соответствуют их конституциям. Жалобы, направляемые в Европейский суд, оцениваются в качестве дополнительных средств защиты гражданами своих прав. ЕСПЧ неправомерно подменял соответствующие органы и национальные суды в решении вопросов о защите прав и свобод граждан. Он не вправе отменять или пересматривать решения последних.

Принятое Госдумой РФ решение значительно повышает роль рассматриваемых судов всех уровней в деле защиты прав и свобод человека.

Следует заметить, что законодательные и иные нормативные правовые акты содержат нормы, направленные на обеспечение прав и законных интересов лиц, отбывающих наказание, которых нет в законодательстве зарубежных государств, в актах международного характера. Речь, в частности, идет о нормах, отсутствующих в российском законодательстве и имевших (имеющих) место в международных стандартах, законодательстве других стран. Среди таких норм:

— исключение из российского национально-законодательства норм, предусматривающих применение смиренной рубашки, и возможность ее применения в минимальных стандартных правилах обращения с заключенными несмотря на то, что эти стандарты действовали до 2015 года — до пралетия... (один из авторов столкнулся с фактом применения данного средства в 2016 году в Германии);

— отсутствие в российском исправительно-трудовом (уголовно-исполнительном) законодательстве взыскания в виде сокращения питания и его наличие в указанных международных стандартах;

— длительность краткосрочных и длительных свиданий (двухчасовые краткосрочные и

четырёхчасовые свидания в Англии и четырёхчасовые краткосрочные и трёх— или пятисуточные свидания в России и др. [8].

Здесь уместно привести законодательное установление в ряде зарубежных государств превентивного заключения (Германия, Швейцария).

С позиции российского законодателя трудно понять норму УК Германии: «если кто-либо осужден за умышленное уголовно наказуемое деяние к наказанию в виде лишения свободы на срок не менее двух лет, то суд наряду с наказанием назначает превентивное заключение, если... 3) общая оценка лица и совершенно им деяния показывает, что вследствие его склонности к серьезным преступным деяниям, в частности, к таким, которые причинили их жертвам душевную травму или тяжкий физический вред, или тяжкий хозяйственный ущерб, оно опасно для общества» (§ 66).

Изучение практики применения превентивного заключения в одной из тюрем Берлина показало, что в основе «общей оценки лица» лежит заключение судебного психолога о возможном поведении заключенного после отбывания наказания. В случае отрицательного заключения, заключенному продляется тюремное заключение на пять лет. Через пять лет аналогичная процедура повторяется. Теоретически и практически в результате систематического продления превентивное заключение фактически может перерасти в пожизненное лишение свободы. При этом превентивное заключение исполняется в тюрьме (правда, с некоторым смягчением режима его исполнения).

Данная мера, направленная на предупреждение рецидива преступлений, даже близко несравнима с мерами, направленными на предупреждение рецидива и преступлений, содержащимися в уголовно-исполнительном законодательстве России. Российское уголовно-исполнительное законодательство, в отличие от немецкого законодательства, например при установлении административного надзора говорит не об оценочных показателях, являющихся основанием для применения превентивного заключения, а о конкретных фиксированных показателях, характеризующих осужденного: возраст лица, освобожденного из мест лишения свободы, рецидив преступлений, характер совершенного преступления; тяжесть, рецидив и характер совершенного преступления, признание осужденного злостным нарушителем режима отбывания наказания (ч. 1, 2 ст. 173¹ УИК РФ). «Зарубежная тюремная практика порой демонстрирует такие ограничения, по срав-

нению с которыми блекнут самые строгие виды режима в российских учреждениях (например, режим «супермакс» в ряде тюрем США), — отмечает В.А. Уткин [9, с. 160].

Позитивные прогрессивные стороны российской пенитенциарной системы получили одобрение представителей пенитенциарных учреждений зарубежных государств. Резолюция Европейской конференции директоров тюремных ведомств (Эдинбург, Шотландия, 2009 г.): «Следует пересмотреть концепцию современной тюрьмы. Сложилось представление о тюрьме как о сооружении, окруженном высокими стенами, с заборами и засовами, где заключенные находятся под постоянным надзором и контролем. Россия подает пример другой организации лишения свободы — исправительная колония, где осужденные имеют относительную свободу передвижения в рамках контролируемой и охраняемой территории. Одновременно во многих европейских государствах наметилась опасная тенденция строительства особо охраняемых тюрем с жестким режимом содержания» [10, р. 5].

Приведенный сопоставительный анализ российского уголовно-исполнительного законодательства, международных документов в сфере исполнения наказаний, законодательства отдельных стран, предвзятое отношение отдельных международных организаций (ЕСПЧ) к российскому законодательству и практике его применения при исполнении наказаний с точки зрения обеспечения прав и свобод человека в условиях лишения свободы позволяют сделать заключение о необходимости более четкого отражения в уголовно-исполнительном законе национального достояния в сфере исполнения уголовных наказаний, условий их отбывания. Представляется, фундаментальным решением этого вопроса могло бы быть закрепление в нем обобщающего принципа, которым мог бы быть принцип патриотизма. Содержание данного принципа должно быть соответствующим образом пролонгировано в более частных принципах: законности, гуманизма, демократизма, равенства осужденных перед законом, дифференциации и индивидуализации исполнения наказаний, рационального применения мер принуждения, средств исправления осужденных и стимулирование их правопослушного поведения, соединение наказания с исправительным воздействием (ст. 8 УИК РФ). В уголовно-исполнительном законодательстве следует раскрыть содержание данных принципов, привести их определения. При этом они, с одной стороны, должны быть сопряжены с принципами, установленными уго-

ловным законодательством (ст. 3—7 УК РФ), с другой стороны, в них следует отражать именно исполнительный аспект наказания.

На взгляд авторов, принцип патриотизма в них мог бы быть отражен следующим образом:

— установление категоризации осужденных в зависимости от степени их исправления, имевшей место в УИК РФ (встал на путь исправления, твердо встал на путь исправления, доказал свое исправление, нарушитель режима отбывания наказания, злостный нарушитель отбывания наказания);

— реализация положительного опыта применения основных средств исправления осужденных, стимулирование правопослушного поведения, имевшего место в советский период (вологодский опыт исправления осужденных, челябинский и белорусский опыт индивидуальной профилактики преступлений и иных правонарушений и др.);

— в содержании принципа гуманизма следует отразить положения нормы части 1 статьи 73 УИК РФ (отбывание наказания, как правило, в пределах территории субъектов Российской Федерации, в которой они проживали или были осуждены);

— конкретизировать принцип стимулирования осужденных к правопослушному поведению. В этих целях дифференцировать условия отбывания наказания в зависимости от степени исправления осужденных, перевести ряд законных интересов осужденных в категорию их прав. В числе последних — возможность проживания и работы за пределами исправительной колонии (ч. 3 ст. 121 УИК РФ).

Требуют своей конкретизации и новой редакции нормы, содержащиеся в статье 3 УИК РФ (с учетом решения Госдумы РФ от 12 апреля 2017 года относительно ратификации Протокола от 24 марта 2013 года № 15 к Европейской конвенции от 14 ноября 1950 года).

В частности, представляется, что части 1 и 2 статьи 3 УИК РФ противоречат друг другу. В части 1 приоритет при применении норм уголовно-исполнительного законодательства отдается Конституции РФ, а в части 2 речь идет о приоритете правил международного договора. По мнению авторов, данная норма могла бы быть изложена в следующей редакции: «Международные договоры, устанавливающие иные правила исполнения наказаний и обращения с осужденными, чем предусмотренные уголовно-исполнительным законодательством Российской Федерации, применяются при условии соответствия их нормам Конституции Российской Федерации».

В данной статье должен быть более четко изложен и механизм реализации рекомендаций

(деклараций) международных организаций по вопросам исполнения наказаний и обращения с осужденными. В этих целях часть 4 статьи 3 УИК РФ следует изложить следующим образом: «Рекомендации (декларации) международных организаций по вопросам исполнения наказаний и обращения с осужденными реализуются при наличии соответствующих экономических и социальных условий, с учетом национальных традиций на основании решений Конституционного Суда Российской Федерации или Верховного Суда Российской Федерации».

«Мы, многонациональный народ Российской Федерации, соединенные общей судьбой на своей земле... чтя память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству... возрождая суверенную государственность России... стремясь обеспечить благополучие и процветание России, исходя из ответственности за свою Родину перед нынешним и будущим поколениями... принимаем Конституцию Российской Федерации» — записано в преамбуле Конституции РФ. Представляется, что указанные положения, в наивысшей степени отражающие конституционный принцип патриотизма, должны найти свое закрепление в соответствующих нормах конкретных отраслей права, в том числе уголовного и уголовно-исполнительного права.

Примечания

1. Гришко А.Я. О принципах уголовно-исполнительного права // Вестник Московского государственного областного университета. 2014. № 4.
2. Прысь Л.Е. Гражданско-правовые нормы в системе мер профилактики наркотизма // Вестник Владимирского юридического института. 2007. № 2 (3).
3. Бюллетень Европейского суда по правам человека. 2013. № 8.
4. Зорькин В. Буква и дух Конституции // Российская газета. 2018. 10 октября.
5. Неисполнение судебных решений национальных судов в странах — членах Совета Европы: меры общего характера, необходимые для исполнения постановлений Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ): круглый стол, организованный Департаментом исполнения решений ЕСПЧ в рамках новой программы по оказанию Комитету Министров СЕ помощи в осуществлении надзора за исполнением постановлений ЕСПЧ // Официальные документы в образовании. 2007. № 22. С. 64—68.
6. Гришко А.Я. Уполномоченный по правам человека и обеспечение прав и законных интересов лиц в местах лишения свободы правоохранительных органов в современных условиях // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 2.

7. Госдума ослабила силу решений ЕСПЧ. Вердикты Европейского суда по правам человека будут носить, скорее, консультативный характер для российской правовой системы и общества // Новые законы и нормативные акты. 2017. № 11.

8. Гришко А.Я. Реализации в России гражданских прав осужденных: право, основание, обеспечение // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2007. № 2. С. 2—3.

9. Уткин В.А. Проблемы теории уголовных наказаний: курс лекций. Томск, 2018.

10. Overcrowded Prisons: Looking for Solutions: Conclusion by the General Rapporteur of the 15th Conference of Directors of Prisons Administrations (Edinburgh. 10—11 Sept. 2009).

References

1. Grishko A.Ya. On the principles of criminal Executive law. *Bulletin of the Moscow state regional University*, 2014, no. 4. (In Russ.)
2. Prys L.E. Civil law norms in the system of drug prevention measures. *Bulletin of the Vladimir law Institute*, 2007, no. 2 (3). (In Russ.)
3. *Bulletin of the European court of human rights*, 2013, no. 8. (In Russ.)
4. Zorkin V. The letter and spirit of the Constitution. *Rossiyskaya gazeta*, 2018, October 10. (In Russ.)
5. Failure to execute judicial decisions of national courts in the member States of the Council of Europe: measures of a General nature necessary for the execution of judgments of the European court of human rights (ECHR): the round table, organized by the Department of execution of decisions of the ECHR in the framework of a new program to assist the Committee of Ministers in supervising the execution of judgments of the ECHR. *Official documents in education*, 2007, no. 22, pp. 64—68. (In Russ.)
6. Grishko A.Ya. Commissioner for human rights and ensuring the rights and legitimate interests of persons in places of imprisonment of law enforcement agencies in modern conditions. *Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of internal Affairs of Russia*, 2018, no. 2. (In Russ.)
7. The state Duma has weakened the power of the ECHR decisions. The verdicts of the European court of human rights will be rather Advisory in nature for the Russian legal system and society. *New laws and regulations*, 2017, no. 11. (In Russ.)
8. Grishko A. Ya. In Russia the rights of prisoners: right, base, ensuring. *Penal system: law, Economics, management*. 2007, no. 2, pp. 2—3. (In Russ.)
9. Utkin V.A. Problems of the theory of criminal punishments: a course of lectures. Tomsk, 2018. (In Russ.)
10. Overcrowded prisons: looking for solutions: report of the General Rapporteur of the 15th conference of Directors of prison administrations (Edinburgh. September 10—11, 2009).